

УДК 821.161.1.09-1-3+929Маяковский

## ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ В АВТОБИОГРАФИИ В. МАЯКОВСКОГО «Я САМ»

© Ирина Иванюшина

### NONFICTION AND FICTION IN V. MAYAKOVSKY'S AUTOBIOGRAPHY "I, MYSELF"

Irina Ivanyushina

Vladimir Mayakovsky's autobiography "I, Myself" is a dual aesthetic phenomenon. Due to the synthesis of the documentary and the poetic elements, a special genre variety emerges, namely a 'poetical autobiography'. Being a category of form and content, the 'poetical autobiography' does not only consider the person's life as the life of a Poet, but it also solves this task employing a diverse range of poetic means. The main function of Mayakovsky's autobiography is that of modeling. A retrospective transformation of the facts about his life creates the poet's individual myth.

Mayakovsky's autobiography fits the context of multiple futuristic self-presentations. The history of its creation and the poetics of the title are taken into consideration. The autobiography's pathos is completely defined by the time when it appeared, by the futurists' fight for an active position in the new social reality.

Mayakovsky intentionally highlights the formal traits of the genre, which traditionally comprise the 'autobiographical pact': focusing on dependable information, precisely defining the principles of selecting the material, referring to memory, giving meta-text notes. The poet departs from the genre canon, though: he devises a new identity type based on consciously overriding individualism; the theory of LEF (the Left Front of the Arts) does not allow him to go deep into the individual psychology, which the author replaces by an ironic play with the psychoanalysis technique, by a dry listing of actions and achievements. The autobiography contains a significant number of poetic text features. A new subject of speech and of creative consciousness corresponds to the new aesthetics.

The autobiography "I, Myself" is considered in the context of Mayakovsky's works of the 1920s which are linked with it by a unity of thoughts about the logic of the human fate and by the affinity of artistic techniques.

*Keywords:* V. Mayakovsky, "I, Myself", autobiography, individual myth, lyric poetry of the 1920s, poetics.

Автобиография В. Маяковского «Я сам» – произведение двойной эстетической природы. В результате синтеза документального и поэтического начал возникает особая жанровая разновидность – «поэтическая автобиография». Являясь формально-содержательной категорией, «поэтическая биография» не только осмысляет жизнь человека как жизнь Поэта, но и решает эту задачу, используя разнообразный арсенал поэтических средств. Главная функция автобиографии В. Маяковского – моделирующая. Создание индивидуального мифа поэта осуществляется путем ретроспективной трансформации фактов его жизни.

Автобиография Маяковского вписывается в контекст многочисленных футуристических самопрезентаций. Рассматривается история ее создания и поэтика заглавия. Пафос автобиографии всецело определяется временем ее возникновения, борьбой футуристов за активное место в новой социальной реальности.

Маяковский намеренно подчеркивает формальные черты жанра, традиционно входящие в «автобиографический пакт»: установку на достоверность сведений, четкое обозначение принципов отбора материала, ссылки на память, метатекстовые замечания. В то же время поэт отступает от жанрового канона: он конструирует новый тип идентичности на основаниях осмысленного преодоления индивидуализма; лефовская теория не позволяет ему углубиться в индивидуальную психологию, которую автор подменяет ироническим обыгрыванием техники психоанализа, сухим перечислением дел и достижений. Автобиография содержит значительное число признаков поэтического текста. Новой эстетике соответствует новый субъект речи и творческого сознания.

Автобиография «Я сам» рассматривается в контексте произведений Маяковского 1920-х годов, объединенных с нею общностью размышлений о логике человеческой судьбы и сходством художественных приемов.

*Ключевые слова:* В. Маяковский, «Я сам», автобиография, индивидуальный миф, лирика 1920-х годов, поэтика.

«Биография – жанр поэтический» [Ортега-и-Гассет, с. 72] – утверждал Х. Ортега-и-Гассет. Еще в большей мере это относится к автобиографии. Совпадение объекта и субъекта высказывания, сконцентрированность на проблемах собственного Я, типологическая близость автобиографического и лирического героев, высокая степень субъективности, монологичности – все это роднит литературную автобиографию и лирическую поэзию.

Возникновение футуристической автобиографии было вполне прогнозируемо. Самопрезентация – один из важнейших стимулов создания автобиографии – была излюбленным речевым жанром футуристов. Все раннее творчество Маяковского – это, в сущности, единая поэтическая самопрезентация. «Я!» назывался первый сборник поэта (1913), завершившийся программным стихотворением «Несколько слов обо мне самом»; под заглавием «Владимир Маяковский» (1914) вошла в историю его «Трагедия». За издательским недоразумением, превратившим имя автора в название произведения, Б. Пастернак прозорливо увидел глубокий смысл: «Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но – предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержанья» [Пастернак, с. 264].

В то же время для возникновения футуристических автобиографий, мемуаров, воспоминаний были свои препятствия: яростные борцы с пассаизмом, будетляне не видели необходимости хранить память о былом и провозглашали: *Мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому* [Хлебников, с. 246]. Даже много позже, в 1927 году, Маяковский настаивал: *Только не воспоминания. Нам и не по-футуристически и не по душе эти самые «вечера». Я предпочел бы объявить или «утро предположений» или «полдень оповещений»* [Маяковский, т. 12, с. 149].

И все же, вопреки ожиданиям, футуристы оставили множество свидетельств своего прошлого: «Его-моя биография Великого Футуриста» (1918) Вас. Каменского, «Фрагменты воспоминаний футуриста» («Отец российского футуризма») (1929) Д. Бурлюка, мемуары «Полутораглазый стрелец» (1933) Б. Лившица, автобиография В. Маяковского «Я сам» (1922–1928). Все это – воспоминания достаточно молодых людей,

вызванные к жизни не ностальгией по прошлому, а насущными проблемами современности.

В 1918 г. В. Каменский в своей автобиографии обосновывает поворот от вымысла к факту тем, что *революционная жизнь опередила купечески-жирные романы* [Каменский, с. 6]. Он обращается к соратникам с призывом:

Пишите, издавайте немедленно Ваши биографии <...> Связывайте Вашу биографию с Вашим искусством – это и будет идеальная критика: кто лучше Вас развернет сущность Вашего Духа <...> На арене человечества утверждается Личность, – в искусстве – книга биография гения [Там же, с. 5–6].

Каменский видит в автобиографиях переход *непосредственно к искусству жизни* [Там же, с. 6], инструмент жизнестроительства: созданный в тексте непротиворечивый и цельный образ автобиографического героя оказывает влияние на реальные жизненные практики автора.

Очевидно, что Каменский предвосхитил многие положения левовской теории литературы факта и оказал непосредственное влияние на В. Маяковского, который в 1922 г. приступил к созданию собственной автобиографии, структурно и композиционно схожей с «Его-моей биографией Великого Футуриста».

Автобиография Маяковского создавалась для планировавшегося четырехтомного собрания сочинений поэта. 12 июня 1922 г. он заключил договор с производственным бюро Вхутемаса; в течение июня сдал в издательство второй, третий и четвертый тома; 11 июля – первый том, который сопровождал автобиографией. 2 октября договор был аннулирован по вине издательства, не выполнившего свои обязательства. В октябре 1922 г. автобиография была опубликована в № 9 берлинского журнала «Новая русская книга» в разделе «Писатели – о себе». 7 ноября Н. Чужак напечатал отрывки этого текста в газете «Дальневосточный телеграф». В первой половине февраля 1923 г. вышел в свет первый том двухтомника «13 лет работы», который открывался автобиографией. В апреле 1928 г., готовя четырехтомное собрание сочинений для ГИЗа, Маяковский дописал «Я сам», доведя события до 1928 г.

Время создания автобиографии всецело определило ее пафос. Поэт и возглавляемая им футуристическая группа боролись за активное

место в новой социальной реальности. Необходимо было доказать неслучайность прихода богемно-анархических бунтарей в революционный лагерь. Осуществляемая Маяковским в «Я сам» ретроспективная трансформация демонстрировала закономерность жизненного пути автора и его соратников.

Название автобиографии Маяковского носит программный характер и органично вписывается в контекст его многочисленных поэтических самопрезентаций: «Я», «Несколько слов о себе самом», «Себе, любимому, посвящает эти строки автор». Кроме того, оно отсылает к провокативному названию доклада Маяковского на «Первом публичном диспуте о новейшей русской литературе» 24 марта 1913 г. «Пришедший сам». Poleмичное по отношению к книге Д. Мережковского «Грядущий Хам», оно было восторженно принято и не раз использовалось другими футуристами. Например, его подхватил и отрефлексировал В. Хлебников: *Я зову увидеть лицо того, кто стоит на пригорке и чье имя – Пришедший Сам* [Хлебников, с. 204]; *Мы не в шутку назвали себя «Пришедший Сам», <потому> что мы взаправду 1) Сам, 2) Пришедший* [Там же, с. 227].

Акцент на местоимении «сам» актуализирует релевантный в художественной системе футуризма архетип самости, характеризующий единство личности, нараздельность сознательного и бессознательного и связанные с ним понятия самовитости, самоценности: *Мост к самовитому царству – самовитая речь* [Хлебников, с. 205]. Показательно, что свою знаменитую литературную мистификацию Л. Гумилевский назовет «Я. Футур-альманах вселенской эго-самости».

Формула «Я сам» заставляет вспомнить и о так называемом «возрасте „я сам“», связанном с самоосознанием и бунтом, и давно отмеченном инфантилизме футуристического мирозерцания.

Еще один важный смысл названия «Я сам» артикулирован поэтом в первом вступлении в поэму «Во весь голос» (1929–1930): *Профессор, / снимите очки-велосипед! / Я сам расскажу / о времени / и о себе* [Маяковский, т. 10, с. 279]. Установка на достоверность, правдивость сведений, полученных из первых рук, традиционно входит в «автобиографический пакт» и используется в целях полемики, предвосхищения критики, опережения биографов.

Автобиография «Я сам» содержит и другие традиционные пункты авторского соглашения с читателем, заявленные в первых главках. Маяковский оговаривает принципы отбора материала, ограничивая его сферой профессиональной

деятельности: *Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом* [Маяковский, т. 1, с. 9], то есть стало «литературным фактом». Завершившее берлинскую публикацию Заключение, не вошедшее в канонический текст «Я сам», наглядно демонстрировало отказ от информации, признанной автором избыточной:

Кроме изложенного, люблю, например, астрономию. «Розовый фонарь» закрыли после чтения мной «Через час отсюда». Бродячую тоже чуть не за «Вам, проживающим». Но на это надо уже романы писать. А я поэт. И это – так наз. автобиография. Все.» [Там же, с. 374].

Другой аспект автобиографического пакта – ссылка на память:

Бурлюк говорил: у Маяковского память, что дорога в Полтаве, – каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. <...> Запоминать же – “Сие написано 2 мая. Павловск Фонтаны” – дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии» [Там же, с. 9].

Дописывая в 1928 г. автобиографию, Маяковский введет еще одно метатекстовое замечание:

Многие говорили: “Ваша автобиография не очень серьезна”. Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело [Там же, с. 29].

Так поэт обосновывает доминирующую ироническую тональность своей автобиографии.

Как известно, возникающий в автобиографии образ Я есть конструкт, обусловленный коммуникативными целями жанра. Одна из этих целей определяется исследователями как «апология или теодицея индивидуума» [Кабанова, с. 146]. Точнее следовало бы назвать ее эгодицей, самооправданием личности.

В отличие от дневников, предполагающих автокоммуникацию, автобиография имеет сложную адресацию. Для футуриста Маяковского это прежде всего потомки, к суду которых он постоянно апеллирует в поэзии: *Грядущие люди! / Кто вы? / Вот – я, / весь / боль и ушиб. / Вам завещаю я сад фруктовый / моей великой души* [Маяковский, т. 1, с. 106]; *Слушайте, / товарищи-потомки* [Там же, с. 281]; *Я к вам приду / в коммунистическое далеко* [Там же]; *Явившись / в Це Ка Ка / идущих / светлых лет* [Там же, с. 285]. В то же время поэт желает объясниться с современниками, отстоять место поэта в рабочем

строю [Маяковский, т. 7, с. 119], право *делать социалистическое искусство* [Маяковский, т. 1, с. 18].

Как заметил Ю. Лотман, биография «пропускает случайность реальных событий сквозь культурные коды эпохи <...> При этом культурные коды не только отбирают релевантные факты из всей массы жизненных поступков, но и становятся программой будущего поведения, активно приближая его к идеальной норме» [Лотман, с. 371].

Автобиография Маяковского – уникальный документ, зафиксировавший резкую взрывную смену культурных кодов. Конструируя свою идентичность на новых основаниях, автор пытается представить взрывной процесс как постепенный. Анархический бунтарь и ниспровергатель всяческих догм осмысляет свой путь как закономерное движение к социалистической революции. При этом он разрушает сложившуюся в XIX в. модель внутренней истории как «движения от бессознательности к сознательности» [Лотман, с. 372]. Он безуспешно пытается предотвратить возникновение теории «двух Маяковских» – футуристического и социалистического – и придать своей биографии цельность и телеологичность. Политическое и эстетическое он представляет как одновременно возникшие в раннем возрасте интуиции его судьбы: *Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове* [Маяковский, т. 1, с. 13].

Парадокс автобиографии Маяковского заключается в том, что она противоречит основной тенденции этого жанра. История автобиографии – это история индивидуализма, история обособления индивида от коллективного целого. «В европейской интеллектуальной традиции сложилась идея самоценности каждого человека, согласно которой он признавался значимым сам по себе, а не потому, что является частью какой-либо общественной группы» [Зарецкий, с. 218]. Но Маяковский в годы создания своей автобиографии движим прямо противоположной идеей: *Единица – вздор, / единица – ноль* [Маяковский, т. 6, с. 266]; *Я счастлив, / что я / этой силы частица, / что общие / даже слезы из глаз* [Там же, с. 304]; он мечтает о том, чтоб *каплей литься с массой* [Маяковский, т. 8, с. 305]. Подобные установки, казалось бы, противоречат жанровому канону. Но это не совсем так. Титаническое Я поэта пытается конструировать новую идентичность на основаниях осмысленного преодоления индивидуализма, и автобиография способствует оформлению вновь обретаемой цельности.

Задача осложняется тем, что формирующиеся левовские идеи не позволяют Маяковскому углубляться в индивидуальную психологию. Автобиография «Я сам» ни в коей мере не исповедь, она не запечатлевает душевных метаний героя. Ничто личное, интимное не попадает на ее страницы. Лишь в главке «Радостнейшая дата» лаконично сообщается: *Июль 915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками* [Маяковский, т. 1, с. 23].

Борьба с психологизмом, уничижительно именуемым в автобиографии *психоложеством*, облекается в форму иронического обыгрывания техники психоанализа. В начале 1920-х годов проблемы психоанализа широко обсуждаются в советской России. С 1921 г. издается «Психологическая и психоаналитическая библиотека», в 1922 г. создается Русское психоаналитическое общество, в 1923 г. – Государственный психоаналитический институт. Маяковский явно знаком с основами этого учения.

Опираясь на тезис З. Фрейда о том, что индивидуальное развитие во многом определяется событиями раннего детства, имитируя технику психоаналитической интерпретации, Маяковский выступает в своей автобиографии одновременно и как психоаналитик, и как анализант, выявляя травмирующие переживания и истолковывая глубинные причины своих сегодняшних поведенческих стереотипов. Иногда он делает это достаточно серьезно: *Умер отец. Укол палец (шивал бумагу). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок* [Маяковский, т. 1, с. 14]; иногда – откровенно ернически:

Переехали. Из Багдад в Кутаис. Экзамен в гимназию. Выдержал. Спросили про якорь (на моем рукаве) – знал хорошо. Но священник спросил – что такое «око». Я ответил: «Три фунта» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» – это «глаз» по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошла и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм [Там же, с. 12].

Понравившийся прием Маяковский повторяет неоднократно, поскольку он не только позволяет избежать излишней серьезности, но и придает тексту видимость логичности, доказательности, наукообразности, имитирует объективный анализ собственной личности.

Все это как нельзя лучше соответствует формирующейся в эти годы теории «литературы факта», которая по-новому отвечает на центральный вопрос любой эстетической системы об отношении искусства к действительности.

Искусство, понимаемое как жизнь и производство, делает ставку на фактографию. Анализ переживаний человека должен уступить место «биографии вещи» или описанию дела как такового. Автобиография Маяковского послереволюционного периода превращается в сухой список его дел и достижений.

Если в лирике Маяковский откликается на постулаты новой теории скорее декларативно: *Воспаленной губой / припади /и попей /из реки/ по имени – «Факт»* [Маяковский, т. 8, с. 235], выдвигает требования конкретности: *Если герой – / даешь имя! / Если гнус – / пиши адреса!* [Маяковский, т. 9, с. 111] и точности: *Я / поэзии / одну разрешаю форму: / краткость, / точность математических формул* [Маяковский, т. 4, с. 108], то в автобиографии он реализует эти требования, называя точные даты, имена, адреса: *Родился 7 июля 1894 года <...> Родина – село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия* [Маяковский, т. 1, с. 9]. Самой формой подачи материала он имитирует документ:

Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда.

б) Оля [Там же, с. 9–10].

В журнальном варианте после фигурной скобки был указан еще и адрес: *Живут К. Пресня, д. 44 кв. ба* [Там же, с. 373].

Приверженцы литературы факта полагают, что документальные жанры не нуждаются ни в вымысле, ни в художественных приемах, ни, в конечном счете, в авторе как творческой инстанции. Автор превращается в монтажера фактов, текст – в мозаику.

Несмотря на декларируемую Маяковским установку на отказ от художественности, его автобиография содержит значительное число признаков художественного и, более того, поэтического текста. Это обилие обычных футуристических неологизмов: *очетрехугольнивается, узейшая, всякоюродные, ревлаксиво, выкрепло, гучковееет, откереницивается, поэтный, коммунистическуюющая, лучиить, газетничать, заакадемичился*. Это разнообразные способы ритмизации текста: нестандартное абзацное членение, парцелляция, анафоры, синтаксический параллелизм, ряды однородных членов, фонетические повторы. Это необычный графический облик текста, разбивка на сопоставимые со строфами отрезки с законченным лирическим сюжетом, близкие к жанру стихотворения в прозе (см.: [Шумарина]).

Но специфическая художественность автобиографии Маяковского обеспечивается не столько наличием выразительных средств, сколько их значимым, последовательным, читательски осязаемым отсутствием. Проецируясь на фон предельно выразительной поэтики раннего Маяковского, его новый стиль воспринимается как эстетически маркированный.

Сам поэт ставит перед собой следующие задачи:

Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и избрание приемов для обработки хроникального и агитационного материала. <...> введение, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций [Маяковский, т. 1, с. 28–29].

Очевидно, что речь идет не об отказе от художественных приемов как таковых, а о замене одних приемов другими. Борясь против «эстетических бацилл» [Перцов, с. 16], левовцы во главе с Маяковским создают новую эстетику точных выверенных формул.

Этой эстетике соответствует и новый субъект речи и творческого сознания. Если в ранней лирике мы видим фигуру одинокого трагического бунтаря, в поэзии советского периода – *агитатора, горлана, главаря* [Маяковский, т. 10, с. 281], то автобиография конструирует образ спокойного, ироничного, уверенного в правоте избранного пути профессионала, владеющего современными методами обработки словесного материала, который *по чертежам деловито и сухо строит завтрашний мир* [Маяковский, т. 7, с. 209]. Для решения этой художественной задачи Маяковский находит и подходящий жанр, и необходимые художественные средства.

#### Список литературы

*Зарецкий Ю. П.* История автобиографии как история индивидуализма // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 218–232.

*Кабанова И. В.* Английская проза 1930-х годов: жанровая типология. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2011. 343 с.

*Каменский В. В.* Его-моя биография великого футуриста. М.: Китоврас, 1918. 228 с.

*Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 тт. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 365–376.

*Маяковский В. В.* Собрание сочинений: В 13 т. М.: Художественная литература, 1955–1961.

*Ортега-и-Гассет Х.* Адам в раю // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 59–82.

Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М.: Советский писатель, 1983. С. 191–284.

Перцов В. О. Новейшая проза // Новый Леп. 1928. № 12. С. 15–21.

Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Книга первая. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 448 с.

Шумарина М. Р. «Я еще не заакадемичился...» (Литературная биография В. Маяковского «Я сам») // Русский язык в школе. 2015. № 4. С. 37–43.

#### References

Kabanova, I. V. (2011). *Angliiskaia proza 1930-kh godov: zhanrovaia tipologiia*. [English Prose of the 1930s: Genre Typology]. 343 p. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian)

Kamensky, V. V. (1918). *Ego-moia biografiia velikogo futurista* [His-My Biography of the Great Futurist]. 228 p. Moscow, Kitovras. (In Russian)

Khlebnikov, V. (2005). *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: In Six Volumes]. Т. 6. Книга первая. 448 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (1992). *Literaturnaia biografiia v istoriko-kul'turnom kontekste* [Literary Biography in the

Historical and Cultural Context]. Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* Т. 1, pp. 365–376. Tallinn, Aleksandra. (In Russian)

Mayakovskiy, V. V. (1955–1961). *Sobranie sochinenii: V 13 t.* [Collected Works: In 13 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Ortega-i-Gasset, Kh. (1991). *Adam v raiu* [Adam in the Heaven]. Ortega-i-Gasset Kh. *Estetika. Filosofiiia kul'tury*. Pp. 59–82. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

Pasternak, B. L. (1983). *Okhrannaia gramota* [Safe Conduct]. Pasternak B. L. *Vozdushnye puti*. Pp. 191–284. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Pertsov, V. O. (1928). *Noveishaia proza* [Newest Prose]. *Novyi Lef*, No 12, pp. 15–21. (In Russian)

Shumarina, M. R. (2015). “*Ia eshche ne zaakademichilsia...*” (*Literaturnaia biografiia V. Maiakovskogo “Ia sam”*) [“I have not become an academician yet ...” (V. Mayakovskiy's literary biography “I, Myself”)]. *Russkii iazyk v shkole*, No 4, pp. 37–43. (In Russian)

Zaretskii, Iu. P. (2012). *Istoriia avtobiografii kak istoriia individualizma* [The History of Autobiography as a History of Individualism]. *Neprikosnovennyi zapas*, No 3 (83), p. 218–232. (In Russian)

The article was submitted on 06.10.2018  
Поступила в редакцию 06.10.2018

**Иванюшина Ирина Юрьевна**,  
доктор филологических наук,  
профессор,  
Саратовский национальный  
исследовательский государственный  
университет имени Н. Г. Чернышевского,  
410012, Россия, Саратов,  
Астраханская, 83.  
iiyu@mail.ru

**Ivanyuhsina Irina Yuryevna**,  
Doctor of Philology,  
Professor,  
Saratov State University,

83 Astrakhanskaya Str.,  
Saratov, 410012, Russian Federation.  
iiyu@mail.ru